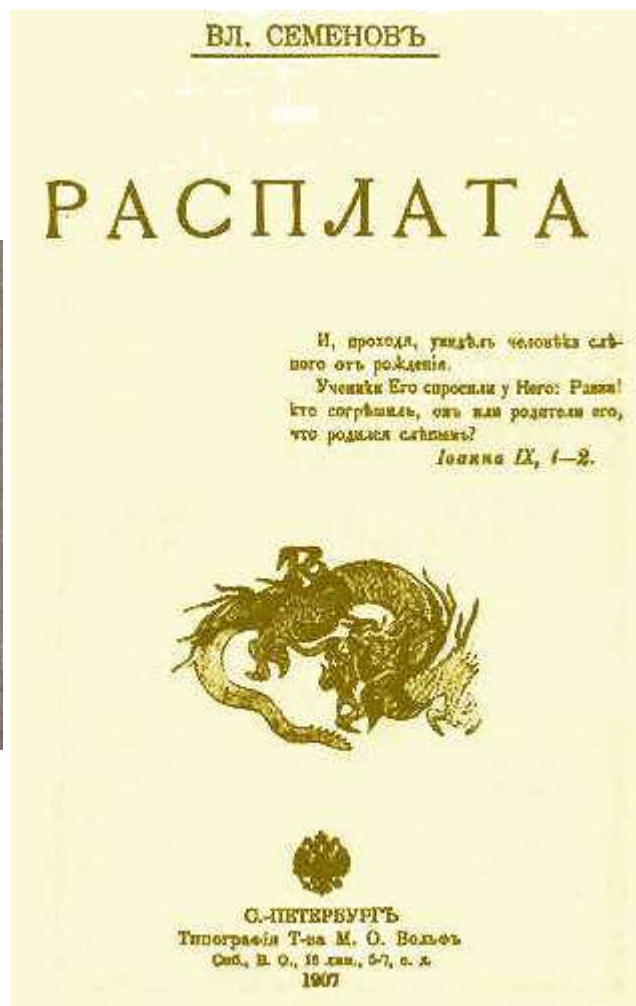

[Владимир Иванович
Семенов](#)

Порт-Артур

12 августа «Диана» пришла в Сайгон.

Донесение командира было передано в Петербург по телеграфу еще 7 августа, а потому мы, вполне естественно, ждали, что первый же человек, который взойдет на палубу крейсера, вручит командиру шифрованную депешу за подписью кого-нибудь из высшего начальства.

Ничего подобного... не только в этот день, но даже и в последующие...

Местные власти были предупреждены своими коллегами из Кван-Чау и Гайфонга, но также недоумевали: почему из Парижа нет ни звука?

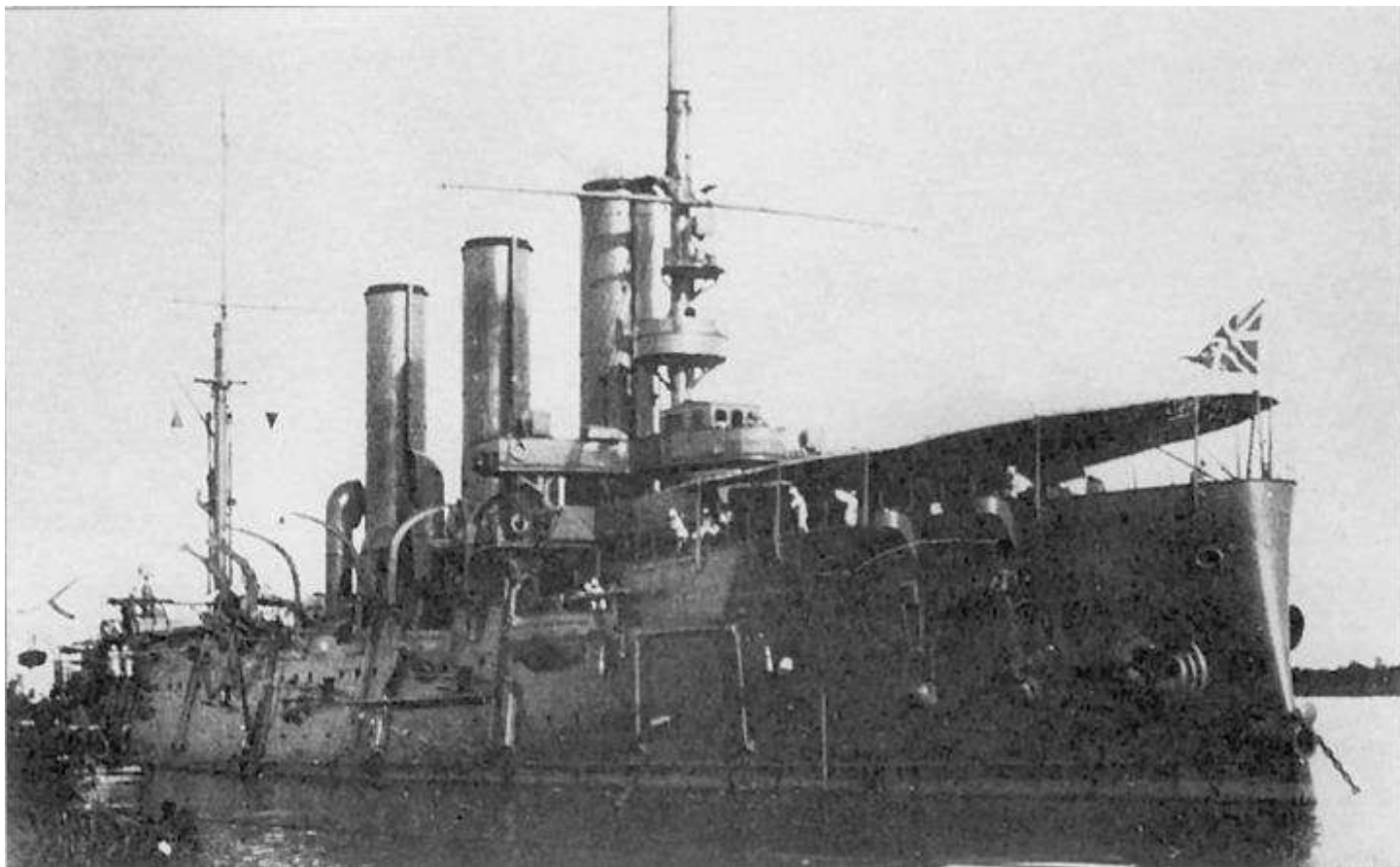
— Разве вы не уведомили свое правительство? Почему наши как будто ничего не знают? — спрашивал адмирал Жонкьер.

Что можно было ему ответить?.. Мы сами ничего не понимали...

Вместо ожидаемых инструкций из Петербурга в сайгонских газетах появилась телеграмма агентства Гаваса, сообщавшая, что русское правительство решило разоружить находящиеся в нейтральных портах — «Цесаревич», «Аскольд» и «Диану».

По отношению к себе мы не поверили. С какой стати по доброй воле, по собственной инициативе разоружать корабль, который пришел чиниться в порт дружественной и союзной державы? державы, которая кораблям обеих воюющих сторон предоставляет право неограниченной стоянки в своих портах и пользование всеми их средствами для исправления повреждений по корпусу и машине?..

Как резкая противоположность холодной сдержанности Парижа и величавому молчанию Петербурга, сказывалось горячее участие к нашей судьбе местной, колониальной администрации.

Бронепалубный крейсер 1-го ранга «Диана» после интернирования в Сайгоне. Над носовой частью крейсера натянут тент

На другой же день по приходе к нам явились портовые инженеры, потребовали чертежи крейсера для подготовки дока к его приему, обследовали, как могли, пробоину и обещали починить в срок 10–14 дней.

— Какой вздор? — сердился французский адмирал, когда ему высказывали опасения по поводу упорного молчания столиц. — Неужели там не понимают, что ваша первая очередь, а наша — вторая! Мы должны держаться за свою декларацию о нейтралитете обеими руками, в обхват! В случае войны мы окажемся в том же положении, как вы теперь, — без пристанища, с одним Сайгоном!

А время шло...

Главный портовый инженер чуть не каждый день забегал на крейсер узнать, нет ли ответа из Европы...

— Пойдите! — говорил он. — У меня есть подозрение! Может быть, они боятся позволить вам войти в док потому, что тогда придется пускать в него и японцев, а наш док как раз в центре депо нашего подводного флота!.. Но тогда пусть ответят! что-нибудь ответят! Мы вас починим без дока! Конечно, не здесь, на этом ужасном течении, тут невозможно, но вы можете уйти куда-нибудь в тихую бухту, в Камранх, в Порт Дайотт... Кессон, как в Артуре... вас нечего учить... Материалы, мастерские — всё будет! Да, чёрт меня побери, я сам приеду в качестве развлекающегося иностранца! Сделаем крепче старого!.. Ответ! Ответ! Добудьте ответ!..

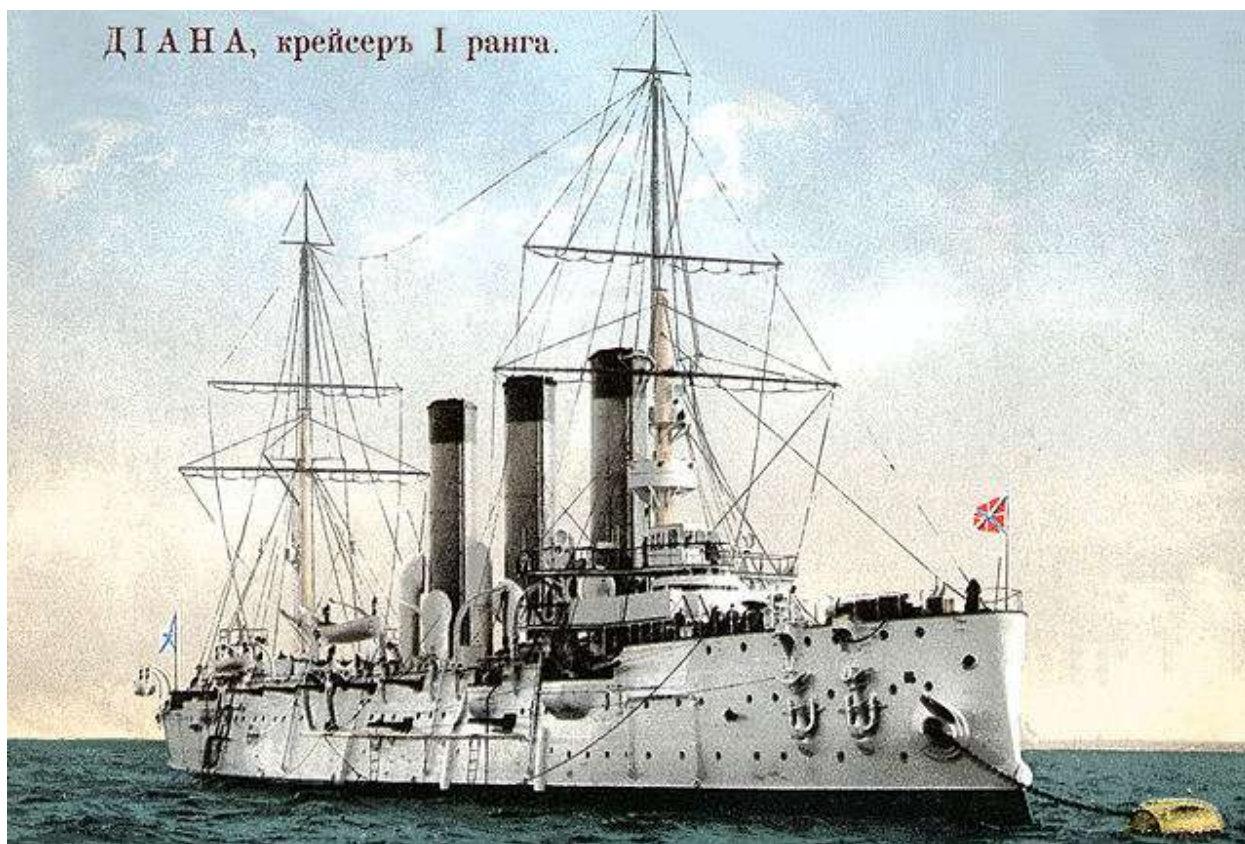
Как и откуда мог я добыть ему этот ответ?.. Не я один, все мы бродили, как потерянные, в ожидании этого ответа, решавшего нашу участь...

Через сношения с нашими агентами и консулами в разных портах были уже зафрахтованы пароходы, готовые по условной телеграмме выйти в море и доставить нам уголь на указанное свидание... Надо было только получить из Петербурга хоть какой-нибудь ответ, какое-нибудь определенное приказание... хотя бы сообщение, что в док не пустят, — делайте, что можете. — Мы бы управились!.. (Конечно, при содействии добрых друзей, но ведь они в этом не отказывали!)

Наконец ответ пришел... Такой ответ, какого не ждали не только мы, но даже и местные французы...

За этот проклятый день в моем дневнике записано только:

«22 августа. — Все кончено. — Сегодня в 11 ч. утра получена телеграмма — разоружаться».

Текст телеграммы не внесен в мою записную книжку, но я не только его помню, я, как сейчас, вижу перед собой этот лоскуток бумаги... «Она» была даже не зашифрованная... «Она» гласила:

«Генерал-адмирал приказал крейсеру кончить кампанию, спустить флаг и разоружиться по указанию французских властей. Авелан».

Что тут было! — почти бунт...

— Не позволим спускать флага! — Не допустим разоружения! В море! В море! — кричали в кают-компании...

Остановить этот порыв не было возможности. Дав накричаться и отвести душу, я попросил слова.

— Господа! Судьба крейсера решена. Никакие наши протесты не могут отменить приказания, отданного именем генерал-адмирала...

Глухой ропот прервал мою речь...

— Позвольте кончить! Крейсеру приказано разоружиться, но это будет выполнено официально еще через несколько дней, а между тем командиру довольно и получаса, чтобы всех нас списать с крейсера за нарушение дисциплины и критику распоряжений высшего начальства в военное время. Он имеет на это полное право, пока корабль под флагом, и не обязан в своих действиях давать отчет французскому правительству... А раз списан — на все четыре стороны!.. Например — на вторую эскадру...

Командир вполне сочувственно отнесся к моей идее, но, конечно, не согласился отпустить всех желающих, так как нельзя же было оставить крейсер вовсе без офицеров. Я получил разрешение не в счет, а прочие — метали жребий. Судьба решила, что из состава кают-компаний уезжали: старший офицер, один лейтенант, три мичмана и два механика; оставались — два

лейтенанта (один — за старшего офицера), два мичмана и два механика; доктор и священник не шли в счет — они все равно не могли уехать.

В то же время я телеграфировал адмиралу Рожественскому:

«Крейсер разоружается. В память старой службы прошу разрешения нам прибыть на вторую эскадру. Невыносимо сидеть сложа руки, когда другие дерутся».

Ответ получился благоприятный.

Вскоре же в отелях Сайгона появилась партия *etrangersdedisrtaction*, ожидавших ближайшей okazji, чтобы отбыть в Европу.

«Диана» официально разоружилась, и командир ее вручил генерал-губернатору список офицеров и команды, находящихся на крейсере, удостоверяя, что они не примут более участия в военных действиях. Такое удостоверение (все равно, что сдача на «честное слово») освобождало французские власти от обязанности наблюдать за «интернированными», дабы воспрепятствовать их побегу.

Конечно, нас в этом списке не было.